

О СТЕРЕОТИПНОСТИ КОНСТРУКЦИЙ ВВОДА ПЕРСОНАЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ РОМАНЕ XV–XVI ВЕКОВ

Ключевые слова: персонажная коммуникация, конструкции ввода персонажной коммуникации, немецкий прозаический роман XV–XVI вв.

Изучается коммуникативно-прагматический потенциал конструкций ввода персонажной коммуникации в немецком прозаическом романе XV–XVI вв. Поскольку семантическое ядро большинства конструкций оформлено стандартно (глаголом *sagen* или *sprechen*), к анализу привлекаются компоненты, выступающие по отношению к ядерной части в роли конкретизаторов. Обзор конкретизаторов адресата речевого действия, фазисных и эмоционально-оценочных конкретизаторов позволил уточнить выводы о степени стереотипности конструкций ввода персонажной коммуникации в художественной прозе Позднего средневековья.

N. V. PONAMAREVA

St. Petersburg State University

ABOUT STEREOTYPE OF INQUIT FORMULAS IN THE GERMAN PROSE NOVEL OF THE 15th–16th CENTURIES

Keywords: character communication, inquit formulas, the German prose novel of the 15th–16th centuries.

The article studies communicative and pragmatic potential of inquit formulas in the German prose novel of the 15th–16th centuries. As the nuclear of inquit formulas is highly standardized (formed by verbs *sagen* and *sprechen*) some other elements of inquit formulas are considered. They specify the nuclear and concern such aspect of the introduced speech act as addressee, place in interaction, emotional and evaluative capacities. The analysis has resulted in some new conclusions about stereotype of character communication in the German prose of the Late Middle Ages.

Коммуникативно-прагматический подход дает представление о художественном тексте как о диалоге его главных антропологических центров — автора, «адресанта художественной информации», и читателя — его адресата [3, с. 6]. Взаимодействие автора и читателя в художественном произведении, как правило, имеет опосредованный характер, осуществляется через систему художественных образов повествователя и персонажей и в том числе через их речевой план. Немаловажную роль в передаче речевого взаимодействия персонажей (персонажной коммуникации) играют конструкции авторского комментария (слова автора, нем. *Inquit-Formel*).

В лингвистических работах последних десятилетий вопрос о коммуникативно-прагматическом потенциале средств ввода персонажной коммуникации получил начальное освещение. Так, был установлен «инвариант вводящего комплекса элемента речевой партии персонажа», изучены позиционные отношения высказываний персонажей и конструкций, оформляющих комментарий автора; разработана прагмасемантическая классификация глаголов [2]. Материалом исследования при этом послужила современная художественная литература. Таким образом, в настоящее время требуется конкретизация полученных результатов при обращении к текстам разных жанров и сфер коммуникации, приоритетно удаленных от нас исторических эпох.

Особое место в истории немецкой литературы принадлежит жанру прозаического романа. В Германии, в отличие от Франции и Италии, художественная проза получает распространение только в начале XV в., что определяет ее более тесную связь с типографской книгой и пограничное положение между устной и письменной формами коммуникации. Как отмечает Я.-Д. Мюллер, немецкие прозаические романы подразумевают одновременно чтение и восприятие на слух, где чтение включает как «чтение про себя», так и «чтение вслух». При этом в обращениях и оформлении текстов растет число элементов, указывающих на форму рецепции «индивидуальное чтение» [8, S. 22–23]. Историко-культурные особенности немецкой художественной прозы позволяют сделать вывод о ее репрезентативности для исследования конструкций ввода персонажной коммуникации в коммуникативно-прагматическом аспекте и установления преемственности и изменчивости повествовательной традиции позднего средневековья. Для изучения персонажной коммуникации немецкий прозаический роман XV–XVI вв. показателен и в количественном аспекте. Средневековую художественную литературу отличало широкое использование сцен речевого взаимодействия персонажей, доминирующей формой передачи которого являлась прямая речь [4; 9; 6]. В немецких прозаических романах прямая речь продолжает играть ведущую роль [1, с. 15], хотя в тех текстах, которые возникли на основе рыцарского эпоса, наблюдается положительная тенденция в отношении косвенной речи [7, с. 152–155].

В настоящей статье конструкции ввода персонажной коммуникации изучаются на примере романов “Melusine” (1474),

“Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel” (1515), “Wigalois” (1519), “Historia von D. Johann Fausten” (1587) и “Das Lalebuch” (1597). Отбор эмпирического материала продиктован стремлением охватить тексты, восходящие к разным литературно-художественным традициям (французско- и немецкоязычный рыцарский эпос, шванки), в том числе представляющие оригинальную немецкую прозу.

Конструкции ввода персонажной коммуникации в материале исследования, как правило, образованы двусоставным предложением, грамматическая основа которого оформляет их семантическое ядро. Подлежащее выражено именем существительным или местоимением, которое называет персонажа, выступающего в роли говорящего, в то время как сказуемое представлено глаголом или глагольно-именным сочетанием, обозначающим речевое действие персонажа. Семантическое ядро большинства конструкций включает локутивные глаголы *sagen* и *sprechen*. Они представлены в 1035 (в том числе в сочетании с другими глаголами) из 1192 контекстов. Количество глаголов и глагольно-именных сочетаний других прагмасемантических классов, напротив, незначительно, например, иллокутивные (*abdancken*, *beschwören*, *fragen*, *Frag sprechen/thun* и др.) встречаются в 23 контекстах, перлокутивные (*antworten*, а также *ein Schimpff machen*, *spotten*, *klagen* и др.) — в 135, эпистемические (прежде всего *dencken*) — в 53, эмоционально-оценочные (*anschreÿen*, *nachruffen*, *ruffen*, *schreyen* и др.) — в 44 контекстах. Приведенные количественные данные позволяют говорить о стереотипности конструкций ввода персонажной коммуникации в немецких прозаических романах и указывают на связь этих текстов или их первоисточников с традицией рецитации. Для литературы, ориентированной на устное воспроизведение и восприятие на слух, введение речи персонажа, как и его речевая характеристика осуществлялись интонацией непосредственно во время чтения-исполнения текста [5]. В настоящей статье делается попытка уточнить степень стереотипности конструкций ввода персонажной коммуникации, обратившись более подробно к элементам, выступающим по отношению к их ядерной части в роли конкретизаторов.

В зависимости от заполнения свободных актантажных позиций глагола речи, а также существительного, называющего говорящего, и наличия свободных распространителей конструкции ввода персонажной коммуникации могут быть нераспространенными или

распространенными [2, с. 82]. Помимо дополнений, определений и обстоятельств в распространении участвуют глаголы и глагольно-именные сочетания, выступающие вместе с глаголом, вводящим речь, в роли однородных сказуемых или замещающие этот глагол в функции финитного. В прозаических романах конструкции ввода персонажной коммуникации часто распространены. Благоприятный контекст для этого образуют семантически универсальные глаголы *sagen, sprechen, antworten* и *dencken* и инициальная позиция конструкций относительно вводимого высказывания.

Элементы распространения определенным образом конкретизируют вводимое речевое действие. В материале исследования конкретизации чаще всего подвергаются такие его параметры, как адресат, фазисность и эмоционально-оценочная окраска.

Конкретизация адресата речевого действия определяется валентностью глагола и может осуществляться без или с помощью предлога, реже — возвратного местоимения. В анализируемых романах используются следующие модели ввода адресата речевого действия (*A* — адресат): *antworten/antwort geben + (zu) A; dencken + bey/in A (=говорящий)/+ sich; die Frag tun + an A; fragen + A; sagen + (zu) A; sagen + bey A; sprechen + vor A; sprechen + zu A; ruffen + zu A; rüffen + A; zuruffen + A.*

Предлог, вводящий адресата, задает тип обращенности высказывания и уточняет прагматический контекст интеракции. Наиболее распространенным является предлог *zu*. Он подчеркивает «узкую» направленность речевого действия: на адресата — непосредственного собеседника, которым в частном случае является адресант. Тождество адресанта и адресата указывает на сокровенное содержание речи, например, как самопризнания, исповеди, и может дополнительно акцентироваться местоимением *selber*.

- (1) Dieweil D. Faustus auch fürüber wolte reysen / **sagt** der Geist **zu ihm**: Mein Herr Fauste / dieser Statt hat man 7. namen geben <...> [*Faustbuch*, S. 910];
- (2) Dem Pfarer schmeckt die Wurst also wol, daz er sie gantz fraß, und **sprach zu ihm selber**: „Gesegen mir es Got, es hat mir wol geschmeckt. Die Wurst ist gut gewesen” [*Dil Ulenspiegel*, S. 110].

Другим предлогом, посредством которого вводится адресат, является предлог *vor*. Он подчеркивает, что произносится публичная речь, как правило, официального, торжественного содержания.

- (3) <...> darumb so **hüb er an vor allem volck offentlich** / vnd auch den herren von Lusinyen **zû eren vnd zû danck** / vnd **sprach** zestund **vor in allen** Wolt gott das ein sôlicher manlicher Ritter als die zwen brüder von Lusinyen seind vnser beysaß vnd herr dises fürstentumbs sein solt <...> [*Melusine*, S. 71].

Комбинация предлогов *zu* и *vor* указывает на то, что речь, обращенная к конкретному адресату, произносится в присутствии широкой аудитории, и уточняет совершаемый речевой акт как декларативный (согласие на брак и дарение):

- (4) Der künig besante Vriens / vnd **sprach zûjm vor allen den seinen** Nun hõre lieber Vriens / des deinen begere noch will ich nit / sunder ich gib dir zû Hermÿnen meiner lieben vnd einigen tochter mein ganczes künigkreÿch zû hauß stëwre [*Melusine*, S. 58].

Позиция речевого действия в речевом потоке (фазисность) передается при помощи глаголов и глагольно-именных сочетаний, наречий времени, местоименных наречий и порядковых числительных. Эти средства могут использоваться как независимо друг от друга, так и в комбинации. К глаголам, уточняющим фазисный аспект высказывания, прежде всего, принадлежат инхоативные: *anfängen, beginnen, werden*. Они подчеркивают начинательный характер речевого действия, называемого глаголом в инфинитиве.

- (5) Ulenspiegels Gespan **begund zu sprechen**: „Waz meint unser Meister damit, daz er uns zu frü weckt? Des pflegt er nit zu thun“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 118];
- (6) die fraw **ward riefē** vnd **sprach** / mit grossen freüden / herre nicht fliehent also / ich bin die die ir nächten vff einem anger klagēd fundēt <...> [*Wigalois*, S. 71];
- (7) In solchem zweiffel vnd vnmucht geht der Lalen einer durch das Dorffe ab / vnd als er für etliche Gånse fürüber gehet / **fiengen** dieselben **an zuschreyen** / Gigag / gigag <...> [*Lalebuch*, S. 119].

При помощи глагольно-именного сочетания *inn die rede fallen* вводится речевое действие, занимающее медиальную позицию в речевом потоке, а именно в речевой партии предыдущего говорящего:

- (8) Als der Keyser solche stattliche Rede höret / lachtet er / zoge seinen Hut ab / sich z bedancken: aber der Schultheiß **fiel jhm inn die rede / sagend**: Setzet auff / thund auff Juncker Keyser / seyt bedeckt [*Lalebuch*, S. 90].

Среди наречий времени в роли фазисных конкретизаторов широко используется наречие *da (do)*. Например, в «Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel» оно встречается в 103 из 631 конструкции. Наречие *da (do)* уточняет роль реплики персонажа как ответной реакции на реплику его партнера или указывает на абсолютное начало вербальной интеракции. В некоторых контекстах в таких же функциях выступает наречие *nun*.

- (9) **Da sprach** der Meister: „Waz der Tüffel! Waz machst du hie? <...>“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 61];
- (10) **Nun sprach** sy aber fürbaß zû reÿmund vnd **gesegnet in vnd sprach** / Gesegen dich got mein hercz mein leib <...> [*Melusine*, S. 122].

Помимо наречий *da (do)* и *nun* встречаются другие наречия времени (в составе моделей): **hinwider/widervmb/herwiderumb antworten**; **wider fragen**; **fürrbaß reden**; **wider ruffen**; **abernmaln sagen**; **weiter sagen**; **ferner/fürter/mer/hin wider/widerumb sprechen**. По функции наречия времени неоднородны. Некоторые, как *da (do)*, подчеркивают реактивный характер вводимого речевого действия, другие указывают на возобновление говорящим своей речи. Важную роль в последнем случае играет соединительный союз *und*.

- (11) König Artus sprach vnnnd **antwort** jm **hinwider**. Des ir so bescheidenlich seind begerê / sôlt ir gût statt hie vinden [*Wigalois*, S. 33];
- (12) Der Meister ward zornig und **sprach** zu ihm, daz er daz Bet wider hin trüg, da er daz genumen hät, **und sprach fürter** zu ihm in gähem Mut: „Und gang mir droben uß dem Huß, du verzweiffelter Schalck“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 118].

К моделям фазисной конкретизации с помощью местоименных наречий принадлежат **auff das/darauff (daruff)/darzû antworten**; **daruff/weiter dencken**; **darauff/darnach/hernach weiters/hierauff/wolan sagen**, **darauff(dorauß)/darnach/darwider/fürter/wider sprechen**. Все местоименные наречия подчеркивают реактивность речевого действия.

- (13) Doctor Faustus sprach: So wil ichs wissen / oder wil nicht leben / du must mirs sagen. **Wolan sagt** der Geist / Jch sage dir / es bringt mir wenig Kummer <...> [*Faustbuch*, S. 872].

В романе о Тиле Уленшпигеле в функции фазисных конкретизаторов используются также порядковые числительные, выступающие в качестве определения к существительному в составе глагольно-именного сочетания. Такие порядковые числительные позволяют установить точное положение речевого действия в речевой цепи.

- (14) Der Rector **sprach** zu ihm **die drit Frag**: „Sag mir bald, wie oder waran sich daz Mittel in der Welt halt“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 84].

Эмоционально-оценочные конкретизаторы разнообразны. Большую их часть образуют глаголы и сочетания глагола-связки *werden* с прилагательным или глаголом в инфинитиве, обозначающим эмоциональное состояние (например, *fro werden*; *weinen werden*). В зависимости от семы фонации глагольные эмоционально-оценочные конкретизаторы могут быть разделены на две группы. Конкретизаторы первой группы передают как эмоциональное состояние адресанта и/или его отношение к адресату, так и акустические особенности речи:

- (15) Ulenspiegel sahe, daz die Stiffeln so gespickt waren, und **ward lachen** und **sagt**: „Wie seint Ihr so ein frumer Meister, haben Ihr mir daz gmacht, als ich Euch hab geheisen, was wöllen Ihr dafür haben?“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 132].

Конкретизаторы второй группы затрагивают только эмоциональную сферу адресанта:

- (16) Do dise red reÿmund erhorte do **wart** er **fro** vnd **gedacht**. sÿ enweÿß villeicht nicht vmb die vntreÿ so du ir bewisen hast [*Melusine*, S. 100–101];
- (17) Da **ward** der Schmid **böß uff den Kirchherren** und **sagt**: „Wa solt ich Euch daz wissen thun, das ich selber nit wißt <...>“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 123];
- (18) Die frau **erschrack on massen sere** / vnd **sprach** Herr dises ist mir schwer zû thûn / vnd mein ir solt sollicher raiß yetz nit begeren <...> [*Wigalois*, S. 26].

Помимо глаголов и глагольно-именных сочетаний важную роль в передаче эмоциональной окраски речи персонажа и его оценки играют качественные наречия, сочетания существительных, называющих чувства и эмоции, с предлогами и причастиями прошедшего времени от глаголов, описывающих эмоциональное состояние адресанта и акустические особенности его речи.

- (19) Der riß **sprach in gespötte**. lieber herre seyß mir nit so vnghedig <...> [*Melusine*, S. 131];
- (20) Und lieff da von der Lauben und ließ daz Volck, eins Teils **Fluchende**, das ander Teil **Lachende**, und **sprachen**: „Das ist ein Schalckßnarr noch, dann so hat er war gesagt“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 43];
- (21) Herr Wigoleiß der kün held **sprach gar züchtgklichen** [*Wigalois*, S. 44];
- (22) <...> **sprach** deßhalben **gantz sittiglich** vnnd **tugendlich** (dann sie es schon gelehret) sich auff beide seitten kehrend / zu jnen: Liebe Nachbårnen / ich bitte wölet still sitzen <...> [*Lalebuch*, S. 83];
- (23) <...> **sprach** er **auß rechtem schultheißlichem eyfer** vnd **bitterm ernst**: Nun wil ich auch ein ordnung vnter die Hund bringen <...> [*Lalebuch*, S. 83].

Проведенный обзор средств, распространяющих ядерную часть конструкций ввода персонажной коммуникации, позволяет по-новому оценить степень стереотипности этих конструкций в немецких прозаических романах. Во-первых, благодаря конкретизаторам конструкции ввода персонажной коммуникации становятся более разнообразными и передают вводимое речевое действие в большей мере индивидуализированно. Хотя количество иллокутивных и перлокутивных глаголов невелико, речеактовые особенности высказываний персонажей и прагматический контекст интеракции могут уточняться за счет предлогов, вводящих адресата (декларация, публичная, торжественная речь), при помощи наречий времени и местоименных наречий (реактивный речевой акт), благодаря сочетаниям существительных, обозначающих чувства и эмоции говорящего, с предлогами (ср. *spotten* — *in gespötte sprechen*). Необходимо также добавить, что в прозаических романах практически не используются локутивные конкретизаторы (Im **antwort** der Teuffel / **sagende**), типичные для предшествующих эпох. Во-вторых, следует четко разделять более ранние прозаические

романы, возникшие на основе уже существовавшего языкового материала («Melusine», «Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel», «Wigalois»), и более поздние тексты, зависимые от этого материала в меньшей мере («Historia von D. Johann Fausten», «Das Lalebuch»). Если конструкции ввода персонажной коммуникации в первых романах в значительной степени типизированы, то во вторых частотны средства, отражающие индивидуальный стиль авторов.

Источники и принятые сокращения

- Dil Ulenspiegel — Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel: nach dem Druck von 1515, mit 87 Holzschnitten / hrsg. v. W.Lindow. Stuttgart: Reclam, 2010. 304 S.
- Faustbuch — Faustbuch // Romane des 15. und 16. Jahrhunderts: nach den Erstdrucken mit sämtlichen Holzschnitten / hrsg. von J.-D. Müller. Frankfurt/M.: Deutsche Klassiker Verlag, 1990. S. 829–980.
- Lalebuch — Das Lalebuch: nach dem Druck von 1597 mit den Abweichungen des Schiltbürgerbuchs von 1598 und zwölf Holzschnitten von 1680 / hrsg. v. St. Ertz. Stuttgart: Reclam, 2011. 273 S.
- Melusine — Melusine // Romane des 15. und 16. Jahrhunderts: nach den Erstdrucken mit sämtlichen Holzschnitten / hrsg. v. J.-D. Müller, Frankfurt/M.: Deutsche Klassiker Verlag, 1990. S. 9–176.
- Wigalois — Wigalois / hrsg. von L. E. Schmitt u. R. Noll-Wiemann; mit e. Vorw. v. H. Melzer. Nachdr. d. Ausg. Straßburg, 1519. Hildesheim; New York.: Olms, 1973. 11, [110] S.

Литература

1. *Аветисова, Л. Н.* Речевой ритуал в народной книге о Тиле Уленшпигеле (1515 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2002. 21 с.
2. *Воротилина, Е. Н.* Средства ввода речевых партий персонажей в прозаических произведениях немецкоязычных писателей 19–20-го веков: дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. педаг. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2002. 226 с.
3. *Гончарова, Е. А.* Тип повествования — прагматическая перспектива — адресованность художественного текста // *Studia Linguistica 5: Лингвостилистика и прагматика текста.* СПб.: Тест-Принт, 1997. С. 5–12.
4. *Лихачев, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 352 с.
5. *Понамарева, Н. В.* Коммуникативно-прагматический потенциал конструкций ввода персонажной коммуникации в немецком прозаическом

романе XV–XVI вв. // *Stephanos: сетевое изд.: рецензируемый мультиязыч. науч. журн.* / гл. ред.: д-р филол. наук, проф. М.Л. Ремнёва. 2016. № 1 (15) янв. С. 124–129.

6. *Сабанеева, М.К.* Художественный язык французского эпоса: опыт филол. синтеза. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 292 с.

7. *Brandstetter, A.* *Prosaauflösung: Studien zur Rezeption der höfischen Epik im frühneuhochdeutschen Prosaroman.* Frankfurt/M.: Athenaeum Verlag, 1971. 242 S.

8. *Müller J.-D.* Volksbuch/Prosaroman im 15. /16. Jahrhundert — Perspektiven der Forschung // *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur.* 1. Sonderheft. Forschungsreferate. Tübingen: Max Niemeyer, 1985. S. 1–128.

9. *Schulte, W.* «Epischer Dialog». Untersuchungen zur Gesprächstechnik in frühmittelhochdeutscher Epik (Alexanderlied — Kaiserchronik — Rolandslied — König Rother): Diss. Bonn, 1970. 256 S.

References

1. Avetisova, L. N. *Rechevoi ritual v narodnoi knige o Tile Ulenshpigele (1515 g.) [Verbal Ritual in Folk Book About Till Ulenspiegel (1515)].* Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2002. 21 p. (In Russian)

2. Vorotilina, E. N. *Sredstva vvoda rechevykh partii personazhei v prozaicheskikh proizvedeniakh nemetskoiazychnykh pisatelei 19–20-go vekov [Means of Character's Speech Parts Introduction in German Writers Works of the 19th–20th Centuries].* Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2002. 226 p. (In Russian)

3. Goncharova, E. A. *Tip povestvovaniia — pragmaticheskaiia perspektiva — adresovannost' khudozhestvennogo teksta [Means of Linguistic and Stylistic Expression of Author-Character Categories in Literary Text].* *Studia Linguistica 5: Lingvostilistika i pragmatika teksta.* St. Petersburg, Test-Print, 1997, pp. 5–12. (In Russian)

4. Lixachev, D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury [Poetics of Old Russian Literature].* 3rd ed., dop. Moscow, Nauka Publ., 1979. 352 p. (In Russian)

5. Ponamareva, N. V. *Kommunikativno-pragmaticheskii potentsial konstruktii vvoda personazhnoi kommunikatsii v nemetskom prozaicheskome romane XV–XVI vv. [Communicative pragmatic potential of inquit formulas in the German prose novel of the 15th–16th centuries].* *Stephanos: setevoe izd.: retsenziruemyi mul'tiiazych. nauch. zhurn.* [*Stephanos: Network Ed.: Peer reviewed multilingual Scientific Journal*]. Ed. by M. L. Remneva. 2016, no. 1 (15) Jan., pp. 124–129. (In Russian)

6. *Sabaneeva, M. K.* *Khudozhestvennyi iazyk frantsuzskogo eposa: opyt filol. sinteza [Literary Language of French Epos: an Experience of Philological Analysis].* St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2001. 292 p. (In Russian)

7. *Brandstetter, A.* *Prosaauflösung: Studien zur Rezeption der höfischen Epik*

im frühneuhochdeutschen Prosaroman. Frankfurt/M., Athenaeum Verlag, 1971. 242 p.

8. Müller J.-D. Volksbuch/Prosaroman im 15. /16. Jahrhundert — Perspektiven der Forschung. *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur*. 1. Sonderheft. Forschungsreferate. Tübingen, Max Niemeyer, 1985, pp. 1–128.

9. Schulte W. „Epischer Dialog“. *Untersuchungen zur Gesprächstechnik in frühmittelhochdeutscher Epik (Alexanderlied — Kaiserchronik — Rolandslied — König Rother)*. Diss. Bonn, 1970. 256 p.

Понамарева Надежда Валерьевна

ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Nadezda V. Ponomareva

Postgraduate student of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: nadezda_ponomareva@mail.ru